

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

20 АВГ 1981

«МЕЧТАЮ ПЕТЬ В ОПЕРЕ...»

МОЛОДАЯ певица была принята в республиканский музыкальный театр сразу же после окончания Горьковской консерватории (класс профессора Е. Г. Кристинского). «Все, чему я научилась, я научилась здесь, в Сыктывкаре. Консерватория есть консерватория, а театр — это жизнь, это практика, и республиканский музыкальный я считаю своим, родным», — говорит Лариса Попова. И это не просто слова. Здесь она делала первые шаги. Здесь обрела уверенность в себе, здесь шло ее становление как актрисы.

Дебютом Ларисы Поповой на сыктывкарской сцене стала партия Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Надо ли говорить, насколько это было ответственно, трудно. Но заявка была сделана интересная, молодой актрисе удалось передать и верность истинного чувства, и глубину переживаний своей героини. А логическим продолжением первой работы стала следующая партия — Наташи в опере А. Даргомыжского «Русалка». «Эта опера мне особенно дорога, — вспоминает певица, — дорога тем, что работать пришлось много и быстро. Подготовила партию за две недели, а спектакли продолжались всего лишь месяц. И до чего же страшно было выходить на сцену! Ведь партия Наташи одна из сложнейших. Но чем сложнее, тем интереснее. Горьким и очень коротким был жизненный путь дочери старого мельника — от беспечного, радостного существования к отчаянию, потрясенно от предательства любимого. Несмотря на различие музыкального и драматургического материала, были чем-то схожи героиня «Русалки» и Марфа из «Царской невесты» — моя следующая работа, — считает певица. — Их объединяет истинность чувства, красота его, глубина переживаний. А в опере, как известно, это требует «экспрессии во-

кальных красок, мастерства звукового воплощения».

Марфа Ларисы Поповой — олицетворенная нежность, хрупкий, жестоко растоптанный цветок. В актерском исполнении все акценты были расставлены психологически точно — от безмятежности светлого покоя, ожидания счастья, до трагедии женской души, когда вера в добро утрачена. Шемяче и трепетно проводила певица сцену смерти Марфы. Высокая, стройная, тонкая фигура склонялась к воображаемым цветам, ласково касалась рукой темных, мрачных людей, заполнивших царские хоромы, принимая их за родных и близких людей. В помутившемся разуме Марфы возникали светлые картины прошлого, озарявшие ее кончину. Жизнь осталась там, утверждала актриса, в этом жестоком мире для Марфы нет места. Ее незащищенность, душевная чистота в исполнении Ларисы Поповой были настолько реальны, что не соперничать Марфе было просто нельзя.

ТРИ СЛОЖНЕЙШИХ оперных партий. Три образа... И вырисовывается направленность творчества актрисы — лирическая. А потому несколько неожиданным было услышать, что ее привлекают характеры иные. «Мой любимый композитор, — говорит певица, — это Пуччини. Мечтаю петь в его операх. Особенно в «Чио-Чио-сан». В этом женском образе есть все, и главное, что меня привлекает, сдержанная сила, которая помогает ей достойно встретить самую трудную минуту жизни».

Но пока характерная для певицы лирическая направленность порой мешает ей передать драматическую напряженность, борьбу чувств. Так, в классической оперетте Имре Кальмана «Баядера» образ Одетты получился нежным, но слабым. А ведь Одетта — личность сильная;

для того, чтобы отказаться от любимого человека, нужны силы, и силы немалые. А вот очнито и остались нераскрытыми. Актриса чувствует, понимает это, работает много и упорно. Например, над образом Ганны Глазари из оперетты Ф. Легара «Веселая вдова» певица продолжает работу и сейчас, когда спектакль давно уже идет на зрителя. Оттачивая образ от спектакля к спектаклю, она пытается добиться еще большей сценической непринужденности.

Это желание Л. Поповой усилить эмоциональное воздействие своей игры на зрителя, «потрясти его душу» говорит о высокой требовательности актрисы к себе. То есть успех, обретенный без глубокого внутреннего постижения, без особых душевных затрат, стоит недорого. Конечно, красота, патетика, изящество в оперетте нужны, но это ведь лишь средства создания сценического образа. А нужно сделать так, чтобы зритель ушел потрясенный, взволнованный до глубины души увиденным на сцене. Без этого нет истинного искусства. Встреча с ним делает человека лучше, добрее, учит ценить душевную красоту, ненавидеть и бороться со всем, что мешает жить людям светло и радостно.

И в этом плане трудно переоценить значение классики. Вот почему актриса мечтает, чтоб ведущее место в репертуаре театра заняла опера. «Хотим своими силами восстановить «Русалку». Ведь это золотой фонд любого музыкального театра, — говорит Л. Попова. — Для вокалистов просто недопустимы, голос требует постоянной тренировки, даже очень сильный и красивый. А в этом сезоне, в силу объективных причин, простоев таких было немало. И забота об актере должна быть. Я, например, работаю без дублерши. Вот и получается, что из-за болезни одной страдают все,

что особенно сказывается на гастроллях. И все же, несмотря на все трудности, театр — это моя жизнь. Трудная, прекрасная и интересная».

Мечта каждой певицы — спеть свою партию в «своей» опере. У Ларисы Поповой такая партия, на мой взгляд, уже была. В образе Марфы раскрылись лучшие стороны дарования певицы. Но разве есть предел для совершенства? И, мечтая об оперном репертуаре, актриса справедливо считает, что это именно та школа, где раскрываются все новые грани как вокальных, так и актерских возможностей. Обладая умением наполнить классический образ живым дыханием современности, Лариса Попова стремится к тому, чтобы языком музыки рассказать о наших днях, передать правду чувства, правду жизни.

А. ХОЛОПОВА,
театровед.

На снимке: Л. Попова — Татьяна в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».